

ливость (*δικαιοσύνη*), их отличает необыкновенная любовь к наукам и ученым. Все эти свойства без сомнения входят в традиционный набор императорских *ἀρεταί*, однако в других случаях у Пселла они — равноправные детали в мозаике из добродетелей. В изображении Константина и Михаила они — доминирующие качества. Оба «мирных» и «кротких» василевса противопоставляются «воинственным» самодержцам типа Исаака Комнина и Романа Диогена, чья активная внешняя политика вызывает осторожное неодобрение писателя.

В отношениях Пселла с Дуками как будто встречается та редкая в истории ситуация, когда извечная проблема «поэта и царя» находит положительное решение: писатель не только принят и признан при дворе, но его идеальные представления получают воплощение в политике и в самом облике ученых и «милостивых» императоров. Однако на деле альянс писатель-василевсы был далек от той идиллии, которая царствует в сочинениях Пселла. Атмосфера 60-х и особенно 70-х годов в Византии — атмосфера кануна краха. Другие современные или жившие несколько позже писатели (Атталиат, Продолжатель Скилицы, Зонара и др.) остро ощущали несовместимость императорских «ученых забав» с Пселлом и обстановки, когда само существование империи находилось под угрозой. В их глазах отношения писателя с царственными Дуками, и особенно Михаилом, приобретали трагически-фарсовый характер «пира во время чумы». Таковыми в какой-то степени они и были. Не знающее границ упоение ученостью и знанием заставили Пселла и его коронованного ученика абстрагироваться от суровой реальности и навлечь на себя презрительное осуждение современников ³⁷.

Вскоре после отречения Михаила Пселл исчезает с исторической арены. Никаких отчетливых свидетельств о его деятельности после 1078 г. у нас нет.

* * *

Мы проследили отношения Пселла с разными его современниками, как бы «раздробив» образ писателя, в надежде на новый синтез. Настало время подвести итоги.

Письма Пселла пронизаны терминологией и духом *φιλία*, предстающей на разных уровнях, имеющей ряд градаций. Ее высший уровень — уточненная интеллектуальная дружба, связывающая писателя с Мавроподом, Лихудом, молодому Ксифилином и другими современниками. Ученость составляет основу этих отношений, общие интеллектуальные интересы и общее мироощущение с оттенком эстетизма — ее душу. В некоторых случаях этот тип *φιλία* приобретает свойства эпикурейско-горадианской дружбы, когда, помимо ученых занятий, партнеров связывает общность жизненных отношений, которое с известной натяжкой можно назвать гедонистическим. Иногда (в отношениях с Иоанном Дукой, например) эпикуреизм даже отесняет на второй план интеллектуальные связи.

Другой уровень *φιλία* — широко трактуемые личностные связи между людьми, принадлежащими к господствующему классу, связи, подразумевающие определенные взаимные обязанности партнеров и кодекс поведения. Как уже отмечалось, эта *φιλία* выступает в некотором роде субститутом официальных государственных связей. И наконец, последняя градация *φιλία* — вообще доброжелательное отношение к людям, даже едва знакомым ³⁸. Это уже самый низкий уровень, за которым могут следовать равнодушие и открытая неприязнь.

³⁷ Подробно см. Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками (2. Михаил Пселл и Дуки), стр. 77—83.

³⁸ Насколько тонкой и малозначительной бывает связь при такого рода *φιλία*, показывает письмо Пселла Scg. min., II, № 216. «Не допусти, чтобы задержка с присылкой *ἀραβικὸν ξυλάριον* (арабской трости?) испортила нашу дружбу», — пишет Пселл своему корреспонденту.